

Д. А. ВОЛКОГОНОВ

Сталин. Политический портрет

<Фрагменты>

<...>

Сталин любил армию, любил военных. Любил взглянуть на себя в большое зеркало в маршальском мундире; строгость униформы с блеском золота погон отвечала его представлению об эстетическом совершенстве. Вооруженные Силы были предметом его особой заботы. «Вождь» всегда с какой-то внутренней гордостью вспоминал свою военную деятельность на фронтах гражданской войны. Он, пожалуй, больше, чем кто-либо другой (за исключением Троцкого), бывал на фронтах.

Сталин лично знал почти весь командный состав — от командира корпуса и выше. Маршалы и командармы в своем большинстве были ему хорошо знакомы ещё со времен гражданской войны¹. Да и теперь, в конце 30-х годов, назначения на все основные должности в РККА проходили через Сталина. «Вождь» обычно выслушивал краткий доклад кандидата, внимательно всматривался ему в глаза, молчал, а затем беседовал в течение 7–10 минут. Его интересовали военный опыт, знание театра военных действий, взгляды будущего командира на военное строительство в условиях технического оснащения армии. Иногда задавал неожиданные вопросы, вроде: «Как вы оцениваете немецкие танки?», «Нужны ли в нынешних условиях УРы?», «Каково ваше мнение о новом полевом уставе РККА?». В конце беседы, слабо пожимая руку взволнованного командарма (комкора или другого командира), желал успеха на новом посту и постоянной готовности проводить в жизнь «линию партии». И снова испытующе вглядывался в глаза человека. Ему всегда хотелось прочитать самое важное для него: предан ли тот «товарищу Сталину»?

Долгие часы Сталин проводил с наркома́ми, конструкторами, учеными, создающими боевую технику и оружие, обычно лично осматривал новые образцы, бывал и на испытаниях. По его инициативе проводились совещания по различным вопросам военного строительства, на которых Сталин часто присутствовал. Выступал редко, но своими репликами и замечаниями всегда «доворачивал» ход обсуждения в ту или иную сторону. В 1939 году, например, целый день провел на совещании руководящего состава работников тыла РККА, решавшего вопросы снабжения командного и рядового состава полевой и повседневной формой, качества обмундирования.

Конечно, Сталин занимался всеми этими вопросами не только из любви к военному делу. Подобно любому руководителю государственного уровня, Сталин прекрасно понимал, что политическая власть, её реальная сила, место страны в мире и её международный авторитет в огромной мере определяются — не только экономической, но и военной мощью. Все выступления Сталина во второй половине 30-х годов полны тревоги по поводу роста фашистской опасности, усиления империалистической угрозы на западе и востоке. Можно без преувеличения сказать, что в эти годы приоритетными объектами его внимания были РККА и НКВД.

<...>

<...> Прежде всего, по моему мнению, самой большой ошибкой было заключение 28 сентября 1939 года Договора о дружбе и границе между СССР и Германией. После подписания месяцем раньше пакта о ненападении как шага, видимо, в какой-то мере вынужденного (без «секретных протоколов»), нужно было остановиться...

<...> Тем более что эти принципиальные уступки ничего не прибавили к пакту. Только наглости фашистам и растерянности советским людям. Нельзя не видеть, что в «германском вопросе» Сталин оказался под весьма большим влиянием Молотова, упорно настаивавшего на своих односторонних выводах². Целый ряд заявлений наркома иностранных дел просто внес сумятицу в сознание советских людей и наших друзей за рубежом...

<...> Подобная политическая и идеологическая переориентация сбивала людей с толку, деформировала классовые установки в общественном и индивидуальном сознании. Вместе с тем эти тезисы как нельзя полно характеризуют дипломатическую близорукость Сталина и Молотова, их политическую беспринципность. Диктатор, без колебаний посылавший многие тысячи

людей на смерть, в лагеря за одно подозрение в идеологической «нечистоплотности», проявил удивительную неразборчивость в «братании» с фашизмом...

<...> Сейчас трудно установить, кому принадлежит инициатива «вмонтировать» слово «дружба» в германо-советский договор. Если это было сделано советской стороной, то в лучшем случае свидетельствует о политическом недомыслии. Если стороной германской, то тонко рассчитанной диверсией против общественного сознания целого народа. И в том и другом случае Сталин оказался не на высоте положения. Хотя Молотов позже и скажет, что Сталин, мол, «вовремя разгадал коварные планы гитлеризма», в данном случае в это поверить исключительно трудно.

Другой крупный просчет, уже в оперативно-стратегической области, связан с принятием плана обороны страны и мобилизационного развертывания Вооруженных Сил... Одновременно с переработкой плана по указанию Сталина Генеральный штаб готовил концептуальный документ — «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил на Западе и Востоке на 1940–1941 годы». В «Соображениях» верно определялось, что главную военную опасность представляет собой Германия. В качестве основной выдвигалась следующая задача: упорной обороной на рубежах государственной границы на базе полевых укреплений не допустить вторжения противника на нашу территорию, обеспечить время для от мобилизации и затем мощными контрударами отразить наступление противника, перенести боевые действия на его территорию. Предполагалось, что главные силы вступят в действие не раньше чем через две недели. Однако ни «Соображения», ни готовящийся план обороны не уделяли должного внимания оборонительным операциям как таковым. Их положения и параметры не были определены. Фактически исключалась возможность прорыва крупных сил противника на большую глубину. Когда на одной стратегической игре накануне войны проиграли такой вариант, Сталин ядовито заметил:

— Зачем культивировать отступательные настроения? Вы что, планируете отступление?

В «Соображениях» и плане обороны предусматривалось равномерное построение войск первого стратегического эшелона по глубине (в первом эшелоне прикрытия — 57, во втором — 52, в резерве — 62 дивизии). В начале войны это привело к тому, что соединения Красной Армии действовали разрозненно, как бы по-

очередно, и противник получил возможность расправляться с ними также по частям. Забегая вперед, скажу, что гитлеровские армии, наоборот, по фронту были расположены очень неравномерно, сосредоточивались на направлениях главных ударов, тем самым создавая четырех — и пятикратное превосходство над советскими войсками. Именно это в значительной степени позволяло немцам быстро прорывать оборону и стремительно продвигаться в глубь территории страны³.

Характерно, что незадолго до начала войны Сталин затребовал в свою личную библиотеку Полевой устав Красной Армии. Его страницы испещрены подчеркиваниями, свидетельствовавшими о том, что Сталин, решая оборонные вопросы стратегического характера, стремился как-то повысить свой уровень знаний в области военного искусства. Однако его замечания на Главном Военном Совете, совещаниях с военным руководством говорят больше о наличии у него здравого смысла, замешенного на осторожности, нежели высокой оперативной и стратегической компетентности. Сталин подошел к порогу войны как осторожный и в то же время самоуверенный политик, а не как военный стратег⁴.

14 октября 1940 года переработанный план обороны вновь доложили Сталину. Естественно, все его пожелания были учтены полностью, а это означало коренную переориентировку основных усилий Вооруженных Сил. Направление главного удара противника теперь уже ожидалось на юго-западе. А ведь Главное разведывательное управление РККА знало, что основные ударные силы вермахта (три танковые армии из четырех) нацеливались на Смоленск и далее на Москву. Но у военачальников не хватило мужества и аргументов убедить Сталина. Как показали дальнейшие события, Гитлер именно здесь и нанес главный удар. А ведь это можно было предвидеть. Но... Почему так произошло?

Напомню, что в годы гражданской войны Сталин был членом Военного совета Южного и Юго-Западного фронтов. Тогда хлеб и уголь были действительно так же важны для Советской республики, как и победы над контрреволюцией. Сталину казалось, что большие безлесные пространства, равно как и экономические соображения (кратчайший путь к кавказской нефти, украинскому хлебу и углю), побудят Гитлера направить главный удар именно на юго-запад...

<...> Величие, мудрость, зрелость руководителя заключается, видимо, в том, что именно вождь должен убеждать окружающих

в истинности своих решений. И в данном случае мы вновь сталкиваемся с порочным стилем руководства Сталина, который, по сути, автоматически отвергал альтернативные предложения и решения. Воля Сталина проявлялась как державное упрямство, не признающее других мнений. Конечно, говоря словами Клаузевица, «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». Но она, воля, может добиться этого, если выступает в союзе с мудростью. Но этого союза не было...

Волевой интеллект Сталина в данном случае показал, каково соотношение его некоторых компонентов. Сталин непреклонно держался поставленной цели: не допустить войны. Но в этом случае стремление к цели, во имя достижения которой хороши были, как считал «вождь», любые средства, как бы отодвинуло остальное на второй план. Пытаясь проникнуть в духовный мир Сталина на основе анализа конкретных фактов того времени, мы видим, что упорство «вождя» базировалось на чрезмерной уверенности в себе, неспособности признать ошибочность своего решения, самолюбии. Подобное, во многом «бесконтрольное», упорство, близкое к упрямству, в конце концов подтачивает и саму волю, которая является его источником. А это ведет к тому, что на каком-то этапе упрямство как бы парализует волю, сковывая её путами вдруг появляющейся нерешительности, сомнений и колебаний. Человек никак не может совершить чрезвычайно нужный и ответственный шаг. Именно таким предстал в последние дни перед войной, особенно в решающие часы, Сталин, человек, несомненно, волевой. Воля, подавленная упрямством, не внемлет доводам интеллекта. Это есть, по словам Энгельса, «ослепленное упрямство», которое вступает в конфликт с аргументами ума.

Ко всему этому, подчеркну ещё раз, Сталин не обладал даром предвидения, способностью приподнять завесу над грядущим и заглянуть за горизонты сегодняшнего бытия. Он продолжал пристально вглядываться в настоящее, глядя себе под ноги, находясь под гипнозом желаемого. У него не было способности опережающего отражения бытия. В противном случае разве он не мог предвидеть, например, последствий репрессий десятков тысяч высших армейских командиров накануне войны? Можно, конечно, сказать, что здесь он руководствовался только политическими и личными соображениями, однако, так или иначе, трагедия этих горьких лет свидетельствует не только о глубокой моральной ущербности «вождя», но и о его ограниченной способ-

ности видеть будущее. Ошибки в оценке военно-политической ситуации накануне войны — неоспоримое тому доказательство.

<...>

<...> Сегодня можно сказать, что этого «величия духа» Сталин в начале войны, когда оно было так необходимо, не проявил. Многочисленные документы Ставки, датированные концом июня, не зафиксировали для истории каких-либо заметных энергичных мер, шагов, действий Сталина, направленных на решительное овладение положением. Он оказался захваченным потоком крайне неблагоприятных событий. Его несло, как и многих других, в этом страшном русле. Он никак не мог найти точку опоры, встать, распрямиться...

Целая пропасть разделяла его, безгрешного земного бога до войны, и растерявшегося «вождя», сознававшего полный крах всех его планов, предположений, стратегических расчетов в течение всего одной недели... Вынести все это оказалось не по плечу даже такой волевой натуре, как Сталин. Вероятно, он ожидал, что недовольство окружения, военного руководства и народа будет обращено против него, главного виновника просчетов неудавшейся «игры» с Гитлером, беспрецедентного ослабления террором кадров армии... Но советский народ оказался выше сведения счетов со своим лидером в дни и часы смертельной опасности. Величие духа советского народа было столь высоким, что он не опустил в этот трагический момент до выискивания виновников создавшегося положения. Мудрость народного опыта предоставила это сделать истории. «Доброта русского народа, — писал известный русский философ Н. О. Лосский, — во всех слоях его высказывается, между прочим, в отсутствии злопамятности».

Кульминацией психологического шока Сталина была его реакция на известие о падении Минска. Прочитав утреннюю сводку Генштаба, Сталин уехал к себе на дачу и почти весь день не появлялся в Кремле. К нему отправились Молотов и Берия. Нет данных, о чем говорила «святая» троица. Но Сталин с трудом мог воспринять мысль, что через неделю после начала войны столица Белоруссии оказалась под пятой захватчика....

<...> В первый период войны Сталин работал по 16–18 часов в сутки, осунулся, стал ещё более жестким, нетерпимым, часто злым. Ежедневно ему докладывали десятки документов военного, политического, идеологического и хозяйственного характера, которые после его подписи становились приказами, директивами,

постановлениями, решениями. Нужно сказать, что сосредоточение всей политической, государственной и военной власти в одних руках имело как положительное, так и отрицательное значение. С одной стороны, в чрезвычайных условиях централизация власти позволяла с максимальной полнотой концентрировать усилия государства на решении главных задач. С другой — абсолютное единовластие резко ослабляло самостоятельность, инициативу, творчество руководителей всех уровней. Ни одно крупное решение, акция, шаг были невозможны без одобрения первого лица.

Фактически в Ставке, непосредственно около Сталина, работали лишь два-три человека. Но работали, выполняя поручения Верховного, не больше. Из членов Политбюро, кроме Сталина, в годы войны заметную роль сыграли, пожалуй, лишь Вознесенский, Жданов и Хрущев. Вознесенский, чья роль в войне ещё по-настоящему не оценена, активно занимался экономическими проблемами страны. Жданов и Хрущев, как члены Военных советов направлений и фронтов, были активными проводниками воли Сталина. Что касается Ворошилова, то после неудачных оборонительных операций он утратил оперативное доверие Сталина. Калинин оформлял решения «вождя» соответствующими указами и принимал участие в пропагандистской деятельности. Микоян и Каганович много занимались транспортно-хозяйственными, продовольственными делами, а как члены Военных советов фронтов фактически не привлекались, если не считать кратковременного пребывания Кагановича на южных участках фронта. Маленков, по сути, был человеком, выполнявшим поручения Сталина в аппарате ЦК. Несколько раз выезжал на фронт по заданиям Верховного, в частности в Сталинград, но не оставил абсолютно никакого следа в силу полной некомпетентности в военной области. Молотов с 30 июня 1941 года и до конца войны был заместителем Председателя ГКО, решая в основном международные вопросы. В ведении Берии находились «очистка» наших тылов, лагеря для немецких военнопленных и советских военнослужащих, попавших в плен или окружение, тюремная промышленность, работавшая на войну. Дважды по заданию Сталина он выезжал на Северо-Кавказский фронт. Андреев курировал сельское хозяйство, снабжение фронта. Фигура Сталина в условиях его абсолютного единовластия как-то вытеснила из жизни партии в годы войны Центральный Комитет, в то же время роль низовых партийных организаций на фронте и в тылу была велика...

<...> До Сталинградской битвы многие решения Сталина были импульсивными, поверхностными, противоречивыми, некомпетентными. Хотя и позже он нередко задавал окружению и штабам ребусы...

<...> Перед войной не подготовили специально оборудованного места для работы Ставки — высшего стратегического органа управления войсками. Ни в Кремле, ни на дачах Сталина защищенных от налетов вражеской авиации пунктов управления не было. Хотя в свое время и Тимошенко и Жуков настаивали на их создании. Поэтому в первые месяцы войны Сталин часто бывал в особняке на улице Кирова, рядом со зданием, где находились некоторые управления Генштаба. Станция метро «Кировская», отключенная от транспортной сети, была хорошим бомбоубежищем. Там всегда были оперативные карты с обстановкой на фронтах, так же как и в кремлевском кабинете Сталина. А позже, когда к зиме 1941 года подготовили небольшое убежище на ближней даче, там же оборудовали для него и пункт связи, с которого он мог говорить с фронтами.

<...>

Накануне войны Сталин, анализируя соотношение сил, очень увлекался подсчетом количества дивизий, других военных сил и средств. Но при этом упускал качественную сторону процесса: укомплектованность боевой техникой войск, их сплоченность, обученность личного состава. До начала войны Сталин все время требовал формирования новых соединений, хотя их уже и так было свыше двухсот. Качественное состояние советских войск к началу войны явно уступало вермахту...

<...>

<...> В роли Верховного Сталин нашел себя далеко не сразу. Первые месяцы войны он нередко сбивался на самую настоящую мелочёвку: занимался распределением мин и винтовок, давал указания направить гражданское население на рытье противотанковых рвов, просматривал проекты сообщений Информбюро. Например, один из документов Ставки, адресованный ВВС, поступил в шифровальный отдел и пролежал там 8 часов 15 минут. Сталин, узнав об этом, приказал срочно подготовить приказ наркома обороны, в котором полковнику И. Ф. Иванову и старшему лейтенанту Б. С. Краснову объявлялись взыскания, и они изгонялись из Генштаба...

<...> Следует сказать и о том, что в первые месяцы войны многие предложения Сталина были в значительной мере навеяны воспо-

минаниями о гражданской войне. Например, в сентябре 1941 года после разговора по «Бодо» с Буденным Сталин как-то неожиданно проявил повышенный интерес к кавалерии. В это время в Генштабе готовился документ Ставки об уроках первых двух месяцев войны, который предполагалось разослать командующим фронтами и армиями. Документ был почти готов. Сталин его прочел, в основном согласился, но приказал включить ещё один пункт:

«Четвертое. Нашей армией несколько недооценивается значение кавалерии. При нынешнем положении на фронтах, когда тыл противника растянулся на несколько сот километров в лесных местностях и совершенно не обеспечен от (так в тексте. — *Д. В.*) крупных диверсионных действий с нашей стороны, рейды красных кавалеристов по растянувшимся тылам противника могли бы сыграть решающую роль в деле дезорганизации управления и снабжения немецких войск. Если бы наши кавалерийские части, болтающиеся теперь на фронте и перед фронтом, были брошены по тылам противника, он был бы поставлен в критическое положение, а наши войска получили бы громадное облегчение. Ставка считает, что для таких рейдов по тылам противника достаточно было бы иметь несколько десятков легких кавдивизий истребительного типа в три тысячи человек каждая с легким обозом, без перегрузки тылами...»

Идея как будто не лишённая смысла, хотя по сути своей это попытка вернуться к опыту не только гражданской войны, но и далекой Отечественной войны 1812 года. Сталин, знавший военную науку на уровне обыденного сознания, просто здравого смысла, искал выход из критического состояния, в которое поставили страну его просчеты и коварство Гитлера. В классической борьбе подобное критическое состояние возникает, когда борец ставит своего соперника в положение моста, стремясь прижать его лопатками к ковру. Если это удастся, засчитывается чистая победа. Июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь 1941 года Сталин держал «мост». Не он, конечно, страна, народ, армия. Но и он, привычно олицетворяя их, был поставлен Гитлером в такое, абсолютно непривычное для него положение. Судьба страны висела на волоске. Положение было столь отчаянным, что Сталин видел панацею в любом возможном средстве, заставляя готовить разного рода директивы, подобные только что процитированной инструкции о создании и использовании легких кавалерийских дивизий...⁵

<...> Огромную роль в становлении, «натаскивании» Сталина как стратега сыграл Генеральный штаб и его руководители Шапошников, Жуков, Василевский, Ватутин, Антонов. Но приобретение нужного опыта руководства крупными оперативными объединениями шло ценой кровавых экспериментов, ошибок, просчетов. Не проявляя тонкого понимания обстановки, знания всех скрытых пружин войны, особенностей организации оперативно-стратегической деятельности, конкретного содержания работы командиров и штабов, Сталин в первый период войны «нажимал» (и это, видимо, было вызвано обстановкой) на моральный фактор. Прочитав то или иное донесение о неудаче, критическом положении, Сталин прежде всего обращался к морально-политическому состоянию войск, а затем уже к оперативной обстановке. В то же время, как показывает опыт войн, эти два компонента боевой мощи не должны рассматриваться изолированно, один в ущерб другому...

<...> События лета и осени 1941 года, телеграммы, распоряжения, директивы, которые исходили в этот период лично от Сталина, подтверждают вывод, к которому приходил позже и Жуков: Сталин в начале войны не был полководцем. Отсутствие специальных знаний, опыта руководства боевыми действиями такого масштаба Верховный Главнокомандующий пытался компенсировать силовым напором, угрозами, репрессивными мерами, декларативными призывами. Оперативное, а тем более стратегическое мышление в первый период войны у него ещё не вышло за рамки здравого смысла, эмпирического опыта, прежних схем гражданской войны.

При этом нужно признать, что Сталин был терпеливым учеником. А война была страшным учителем.

<...> Сталин в некоторых случаях проявил себя неплохим психологом. Он понимал, что ему нельзя покидать Москву, знал, что в сообщениях Информбюро не должно быть панических ноток, не случайно требовал, чтобы в газетах больше писали о подвигах, отважных, мужественных поступках советских воинов. Накануне ноябрьских праздников, за несколько дней до 7 ноября 1941 года, Сталин сказал Молотову и Берии:

— Как будем проводить военный парад? Может быть, на час-два раньше обычного? <...> С высоты сегодняшних дней надо сказать, что решение провести парад было смелым, дальновидным. Оно свидетельствовало о возрастающей уверенности Сталина, его умении влиять на общественное мнение страны, управлять духовным состоянием людей. Тем более что война у многих посе-

яла сомнения в её исходе. В оккупированных районах появились многочисленные пособники гитлеровцев. Сталин понимал, что неудачи подтачивают веру. А её нужно всячески укреплять.

Факты массовой сдачи в плен Сталин расценивал как проявление предательства, измены, враждебных намерений. Без всяких исключений. При этом Сталин никогда публично не признавал того бесспорного факта, что во вражеском плену оказалось очень много советских военнослужащих. Председатель ГКО, выступая 6 ноября 1941 года на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся, проходившем на станции метро «Маяковская», заявил, что за 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек...». Сталин знал, что пропавших без вести было в несколько раз больше. Верховный в скупых цифрах сводок о потерях, где в графе «пропавшие без вести» (графа попавшие в плен отсутствовала) были многозначные цифры, видел не результат катастрофического начала войны, а политические изъяны в подготовке людей, недоработку карательных органов, вражеское влияние, отрывки классовой борьбы прошлого. В оценке этих явлений Сталин не был ни тонким психологом, ни трезвым политиком, ни «мудрым отцом нации». Здесь он был тем Сталиным, каким во весь рост проявил себя в 1929–1933, 1937–1939 годах. Природа человека, его внутренний стержень меняются медленно. У Сталина установка на «вражеские происки» и «вражеское окружение» остались на всю жизнь. Иначе он просто не был бы Сталиным.

<...>

Сталин никогда не обладал выдающимися прогностическими способностями. Да это и невозможно при догматическом складе ума. Но самое главное, Сталин при наличии сильной воли и негибкого ума не мог опереться на профессиональные военные знания. Он не знал военной науки, теории военного искусства. Он доходил до всех премудростей стратегии, оперативного искусства в ходе кровавой эмпирии, множества проб и ошибок. Опыт гражданской войны, в которой он участвовал в качестве члена Военного совета ряда фронтов, уполномоченного Центра, был явно недостаточен для человека, занимающего пост Верховного Главнокомандующего. Реноме Сталина как полководца поддерживалось, хотя об этом обычно мало говорят, коллективным разумом Генерального штаба, незаурядными способностями некоторых крупных военачальников, находившихся рядом с ним во время войны.

Это прежде всего — Б. М. Шапошников, Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов. Сталин, который, в сущности, никогда не бывал в воинских частях, в штабах, полевых пунктах управления, не представлял по-настоящему механизм функционирования военной системы, ему часто не хватало, особенно в первые полтора года войны, чувства оперативного времени, реальных пространственных координат театра военных действий, возможностей войск. Отсюда его распоряжения, заранее обреченные на невыполнение, или поспешные, непродуманные действия. Вот несколько примеров.

6 августа 1941 года Сталин подписал телеграмму командующим Резервным и Западным фронтами о подготовке и проведении операции под Ельней. Телеграмма была подписана ночью, но в ней содержатся требования уже сегодня, шестого, произвести перегруппировку войск, выдвижение ряда частей на новые рубежи. Телеграмма заканчивалась словами: «Получение подтвердить и немедленно представить план операции под Ельней...» Чувство реального здесь явно отсутствует.

Или еще. 28 августа 1941 года Сталин, подписываясь в данном случае почему-то не как Верховный Главнокомандующий, а как нарком обороны, поручил авиации двух фронтов разгромить танковые группировки. Сталин предписал привлечь не менее 450 самолетов. Эта операция должна начаться с рассветом следующего дня... А как же разведка, определение задач конкретным частям, соединениям, порядок их выполнения и т. д.? И таких распоряжений Верховного много. Похоже, Сталин полагал, что, подписывая директиву, приказ, он немедленно «запускал» Систему, не представляя, что должно пройти время для получения распоряжения адресатом (через несколько уровней), для отдачи предварительных распоряжений, постановки задач, организации взаимодействия, технического обеспечения действий и многого другого. Сталин просто не понимал всей сложности этого процесса. Будучи дилетантом в военном деле, Сталин исподволь учился и уже во время Сталинградской битвы, как писал Г. К. Жуков, «хорошо разбирался в больших стратегических вопросах». «Разбирался» — значит понимал, чувствовал, мог оценить, но не значит, что был стратегом. Коллективным стратегом был Генеральный штаб. Его роль нельзя переоценить <...> не всякий участник совещаний, заседаний, которые ежедневно, иногда по несколько раз в сутки, в разное время проходили у Сталина, мог бы точно

определить, какой орган собирался. Это могло быть заседание Политбюро с приглашением военных или заседание ГКО с участием не только членов Комитета, или совещание Ставки, на котором присутствовали некоторые члены Политбюро. Ясность подчас вносил сам Сталин, бросавший по ходу обсуждения:

- Оформить как решение ГКО.
- Подготовить директиву Ставки.

Иногда Маленков оформлял итоги обсуждений и как постановления Политбюро, фактически каждое слово Сталина было окончательным и решающим, независимо от того, как оформлялось решение. Похоже, сам Сталин мало придавал значения формальной принадлежности тех или иных лиц к тому или иному руководящему органу. Для него это не имело принципиального значения. Но создавало трудности исполнителям, которые должны были «на лету» определять, по какому ведомству числится соответствующее указание Верховного, Председателя ГКО, Предсовнаркома, секретаря ЦК партии, наркома обороны... Обычно не велось никаких протоколов и стенограмм. Например, архивы Ставки содержат тысячи разных документов: донесения, справки, директив, приказов, распоряжений, но материалов, свидетельствующих об обсуждении Ставкой каких-то стратегических вопросов, практически нет. Сталин, особенно когда он вошел в силу и оправился от потрясений первых месяцев войны, приглашал двух-трех членов Ставки и решал с ними оперативные вопросы. С самого начала руководящие работники Генштаба — главного рабочего органа Ставки — были приучены к тому, что они шли к Сталину с готовыми предложениями, выводами, оценками. Это облегчало Верховному роль высшего арбитра, судьи, жреца <...>

<...> В кадровых вопросах Сталин не колебался. Я уже отмечал, что его стилем была бесконечная перестановка командующих, часто малопонятная окружающим. Он почему-то считал, что эти «рокировки» позволяют усиливать руководство войсками. Сталину, естественно, никто не перечил... Иной раз складывается впечатление, что театр военных действий был для Сталина шахматной доской, где ему нравилось очень часто переставлять фигуры и пешки. Например, А. И. Еременко, к которому Сталин одно время явно благоволил, хотя и ругал часто, за время войны командовал Западным, Брянским, 1-м и 2-м Прибалтийскими, 4-м Украинским, Калининским, Сталинградским (первого формирования), Юго-Восточным, Сталинградским (второго форми-

рования), Южным (второго формирования) фронтами... Десять фронтов сменил будущий маршал, нигде подолгу не задерживаясь. Но Сталину нравилась уверенность Еременко...

<...> Отсутствие у Сталина военных знаний очень быстро почувствовали работники Генштаба и пытались «самортизировать» своими распоряжениями многие полуграмотные приказы Верховного. Окружавшие его военачальники считали нормальным явлением некомпетентность политического деятеля в военных делах, но в силу причин, о которых я говорил выше, не могли говорить об этом в полный голос. Однако, как свидетельствует советский военный историк Н. Г. Павленко, неоднократно встречавшийся с Г. К. Жуковым после отстранения его от активной работы, прославленный маршал говорил о Сталине: «Как был, так и остался штафиркой» (т. е. штатским).

<...>

<...> Долгое время, практически 1941-й и 1942-й годы, Сталин пытался только отвечать на вызовы, угрозы, удары, исходившие от противника. Лишь после Москвы и Сталинграда к нему пришла уверенность в возможности навязывать свою волю противнику, диктовать ему свои условия. Уже к концу 1941 года Верховный Главнокомандующий понял, что как книга состоит из отдельных глав, связанных единым сюжетом, так и война вмещает в себя множество конкретных операций. Поскребышев после войны вспоминал, что незадолго до Победы, закончив рассмотрение с начальником Генштаба А. И. Антоновым текущих дел, касавшихся заключительных операций — Берлинской и Пражской, Сталин неожиданно спросил генерала армии:

— Видимо, это будут последние наши наступательные операции на Западе... Вот думаю сейчас: а сколько же было их всего за эту войну?

— Затрудняюсь сразу сказать, — ответил Алексей Иннокентьевич Антонов, — но думаю, что крупных стратегических операций, включая оборонительные, мы провели более сорока...

Антонов был близок к истине: за 1941–1945 годы вооруженные силы фронтов под руководством Ставки провели около пятидесяти стратегических (оборонительных и наступательных) операций⁶. Если первые десять — пятнадцать «глав» войны Верховный, штабы, сражающиеся войска «писали» под диктовку врага, то остальные тридцать пять — сорок они создавали в том месте и в то время, где и когда считали нужным...

<...> Менее четверти всех операций, как я уже говорил, были, оборонительными. Как Сталин, Ставка их готовили и вела? Скажу сразу, что большинство стратегических оборонительных операций 1941 года (в Прибалтике в июне — июле, в Белоруссии в эти же месяцы, в Западной Украине летом, в Заполярье и Карелии осенью, Киевская в июле — августе, Смоленская в июле — сентябре и некоторые другие) заранее не планировались. К их проведению нас вынудил противник, он диктовал условия, и действия советских войск часто носили спонтанный характер...

<...> Ставка и командование фронтами, отдавая директивы и приказы на ведение стратегической обороны, преследовали главную цель: остановить и обескровить противника, создать благоприятные условия для контрнаступления. Это позже, с подачи самого Сталина, пропагандисты и некоторые историки стали усматривать в катастрофическом отступлении сокровенный замысел «измотать врага» активной обороной. К преднамеренной, плановой стратегической обороне советские войска прибегли, пожалуй, лишь раз — летом 1943 года. Сталин не любил оборону, нервничал, не проявлял глубокого понимания её сути. Он старался решать оборонительные задачи не только оперативными средствами, но и чисто административно-карательными методами, вроде уже упоминавшихся приказов № 270 от 16 августа 1941 года и № 227⁷ от 28 июля 1942 года, рядом дополнительных распоряжений об активизации действий заградотрядов, частей НКВД в тылу фронтов на наиболее опасных направлениях.

Верховный не обладал опытом организации стратегической обороны. Но им не обладала тогда и большая часть военачальников. Нужно учесть, что большинство кадрового состава Красной Армии погибли, оказались в плену или были ранены в 1941 году. И хотя летне-осенняя кампания 1942 года могла сложиться более благоприятно (моральный «допинг» войскам дала битва под Москвой, противник наступал уже не на всем протяжении фронта, а лишь на Юго-Западном направлении и в значительной мере растерял первоначальную новизну своих ударов), Сталин как Верховный Главнокомандующий был не в состоянии глубоко понять особенности оборонительных сражений <...>.

<...> Сталин значительно увереннее чувствовал себя в наступательных операциях. Был всегда нетерпелив. При планировании боевых действий на лето 1942 года, вопреки предостережениям Шапошникова, других военачальников, Сталин был склонен

к тому, чтобы вести активные действия на всех направлениях, не имея для этого возможностей. Казалось бы, битва под Москвой должна была убедить Верховного в том, сколь важна концентрация усилий на определенном направлении. Но едва намечился первый стратегический успех, как Сталин посчитал, что теперь Красной Армии по плечу вести такие же боевые действия на всех направлениях <...>.

<...>

Думаю, в полном смысле слова Сталин не был полководцем. Полководец — это военный деятель. К ним относят, пожалуй, не столько по должности, сколько по таланту, творческому мышлению, глубокому стратегическому видению, военному опыту и компетенции, богатой интуиции и воле. Сталин обладал далеко не всеми этими качествами. Это был политический руководитель: жесткий, волевой, целеустремленный, властолюбивый, который в силу исторических обстоятельств вынужден был заниматься военными делами. Сильная сторона Сталина как Верховного Главнокомандующего была предопределена его абсолютной властью. Но не только это поднимало его над другими военными деятелями. Он имел преимущество перед иными полководцами в том, что глубже их видел (в силу своего положения лидера страны) зависимость вооруженной борьбы от целого спектра других, «невоенных» факторов: экономического, социального, технического, политического, дипломатического, идеологического, национального⁸. В силу своего положения он лучше, чем члены Ставки, работники Генштаба, командующие фронтами, знал реальные возможности страны, её промышленности и сельского хозяйства. У Сталина было, если так можно сказать, более универсальное мышление, органически связанное с широким кругом невоенных знаний. Это преимущество, повторяю, определялось положением Сталина как государственного, политического, партийного деятеля. Полководческая, военная грань была лишь одной из многих, которая должна быть присуща государственному деятелю такого уровня.

<...>

<...> Для Сталина всегда была важна только цель. Его никогда не мучили угрызения совести, чувство горечи и боль от огромных потерь. Его лишь пугало, что разбито столько-то дивизий, корпусов и армий. Ни в одном документе Ставки не нашла отражения озабоченность Сталина слишком большими людскими потерями. Та, настоящая грань военного искусства, суть которой в том, чтобы

достичь поставленных целей с минимальными потерями, Сталина мало интересовала. Верховный считал, что как победы, так и поражения в войне непременно собирают скорбный урожай. Жертвы, массовые жертвы, по Сталину, неизбежный атрибут современной войны. Может быть, Сталин так считал, поскольку был Верховным Главнокомандующим огромной по численности армии? К концу войны в Вооруженных Силах было около 500 стрелковых дивизий, не считая артиллерийских, танковых, авиационных. Это в два раза больше, чем накануне войны. Правда, по численному составу советские дивизии значительно уступали немецким, но Сталин, несмотря на неоднократные предложения военачальников, не пошел на укрупнение соединений. При такой огромной военной мощи, хорошо налаженной системе пополнения войск Сталину казалось совсем необязательным ставить достижение стратегических целей в зависимость от уровня потерь <...>.

<...> Верховный «мыслил» десятками дивизий. Он всегда любил крупный масштаб. Поэтому его тезис «не останавливаться ни перед какими жертвами» — не просто моральная характеристика его интеллекта, но и характеристика стратегическая. Характеристика предельно негативная. Достижение цели, по Сталину, не должно ставиться в зависимость от количества человеческих жертв. Их часто просто не считали.

Вместе с тем нужно сказать, что Сталин причастен к появлению принципиально новых форм стратегических действий — операций групп фронтов. Это были сложнейшие и крупнейшие комплексы боев и сражений, подчиненные единому замыслу, согласованные по цели, времени и месту. В некоторых из этих операций участвовали от 100 до 150 дивизий и больше, десятки тысяч орудий, три-пять тысяч танков, пять-семь тысяч самолетов. Колоссальная мощь, задействованная в соответствии с игрой стратегического воображения и расчетами Генштаба, штабов фронтов, на основе анализа многочисленных факторов и возможностей (своих и противников). Именно здесь, в таких операциях, где участвовали несколько фронтов, Сталин сам по-настоящему почувствовал себя полководцем. Крупные масштабы не означали для него лишь количественное выражение используемой мощи. В них он видел большие возможности собственного стратегического самовыражения и самоутверждения. После Московской и Сталинградской битв Сталин постоянно стремился «сочленить» усилия разных фронтов в новых и новых стратегических комбинациях.

Курская, Белорусская, Восточно-Прусская, Висло-Одерская, Берлинская, Маньчжурская операции соответствовали не только объективному ходу дел, но и пристрастию Сталина ко всему крупному, масштабному, подавляюще огромному. А это были именно такие операции. Полоса наступления в них нередко достигала 500–700 километров по фронту, глубина — 300–500 километров, продолжительность — до месяца. Верховный, как всегда, торопил с началом, был недоволен темпами, раздражался при заминках. Общий замысел наступательных операций, предлагаемых Генштабом, Сталин схватывал быстро, иногда предлагал существенные детали, направленные на повышение мощи ударов.

<...>

<...> Иногда Сталину приходили на ум идеи, которые внешне были алогичными, но тем не менее сыграли заметную роль. Таким было, как я уже упоминал, решение провести парад на Красной площади 7 ноября 1941 года, таким же неожиданным было предложение Верховного летом 1944 года провести большую массу немецких военнопленных по улицам Москвы...

<...> Мышление Сталина обеднялось его слабым представлением о фронтовой жизни, повседневном быте войск, дыхании той раскаленной линии, где соприкасались, яростно сражаясь, две гигантские военные машины. Когда Сталин окончательно почувствовал, что время работает на Победу (после Сталинграда), он стал выкраивать 30–40 минут (чаще ночью), чтобы посмотреть фронтовую кинохронику. Иногда просмотр таких лент подталкивал его к принятию широкомасштабных решений. Мысль кабинетного полководца, получавшая дополнительную информацию, трансформировалась через присущие ему стереотипы тоталитарности, цезаризма, подозрительности, недоверия, настороженности.

В одной из кинолент были, например, кадры, когда во фронтовой полосе, где-то в полусожженном колхозном сарае, поймали двух полицаяев, которые не успели скрыться или сдатьсь. Тут же Сталин приказал направить директивы командующим фронтами (копию — Берии) с требованием неукоснительно выполнять директиву Ставки от 14 октября 1942 года. Согласно этому документу, устанавливалась прифронтовая полоса, из которой без всякого исключения отселалось население в целях «недопущения в распоряжение частей вражеских агентов и шпионов» Сталин своей рукой написал: «Особо важно. Прифронтовая зона должна

стать неприступной для шпионов и агентов врага. Пора понять, что населенные пункты, расположенные в ближайшем тылу, являются удобным убежищем для шпионов и шпионской работы». Нет, в директиве ни слова не говорится об отселении с целью обеспечения безопасности мирных жителей (ведь это советские граждане!), о проявлении заботы о них. «Шпионское» мышление Сталина и здесь усмотрело прежде всего опасность со стороны освобожденных граждан. В этом отношении Сталин так никогда и не изменился <...>.

<...> После октябрьской (1941 г.) неудавшейся поездки на фронт, когда Сталин доехал лишь до Волоколамского шоссе, посмотрел на сполохи приближающегося к Москве фронта в 10–15 километрах от того места, куда добралась его кавалькада, Сталин больше на передовую не выбирался. После рассказов Берии, а затем и Маленкова о своих «боевых крещениях» Сталин твердо решил, хотя бы для истории, побывать на фронте. И такая поездка, тайная и чрезвычайно тщательно подготовившаяся, состоялась. Сталин побывал на Западном и Калининском фронтах в начале августа 1943 года. После этого, по его мнению, уязвимых мест в его полководческой биографии не осталось.

1 августа Сталин отбыл на специальном поезде со станции Кунцево. Были подобраны старенький паровоз, полуразбитые вагоны. К небольшому составу прицепили для маскировки и платформу с дровами. Сталина сопровождали Берия, его помощник Румянцев, переодетая усиленная охрана. Прибыв в Гжатск, Сталин встретился с командующим Западным фронтом Соколовским, членом Военного совета Булганиным. Заслушав начальников и высказав общие пожелания, Сталин, переночевав, отправился в сторону Ржева, на Калининский фронт к Еременко. Здесь он остановился в деревне Хорошево в домике простой крестьянки, стоявшем на отшибе от других (хозяйку предварительно со всем скарбом отсюда выселили)⁹. Этот небольшой домик, с резным карнизом и мемориальной доской, стоит и поныне, напоминая о фронтовых «подвигах» Верховного. Рассказывают, что, находясь именно в этом домике, Сталин распорядился подготовить приказ о первом орудийном салюте в честь взятия Орла и Белгорода. Но поехать в войска и повстречаться с командирами и бойцами Сталин не пожелал. Без всяких драматических происшествий после ночевки в Хорошево на автомобилях вместе с Берией под усиленной охраной Верховный вернулся в Москву. Он мог быть теперь удовлетворен-

ным: никто не смел думать (говорить-то, естественно, не смел никто!), что полководец видел фронт лишь с помощью кинохроники, докладов генералов Генштаба да представителей Ставки.

<...> Сталин умел все видеть и знать из своего кабинета в Кремле. Повторю, он был непревзойдённым мастером кабинетного руководства. Поэтому его «касательное» посещение линии фронта (в действительности он был далеко от него) понадобилось не для ознакомления с делами двух фронтов, не для обогащения впечатлениями от встреч с личным составом частей, готовящихся к наступлению. Нет. Это нужно было для истории. Сталин думал о своем историческом реноме. Будущие летописцы должны были соответствующим образом отразить сей факт его полководческой деятельности. В его биографии должна быть страница вдохновляющего приезда Верховного в действующую армию.

Но Сталин посчитал необходимым, чтобы о посещении им фронта союзники узнали от самого Верховного Главнокомандующего. Вот несколько выдержек из его писем к Ф. Рузвельту и У. Черчиллю.

«Сталин — Рузвельту.

8 августа 1943 года

Только теперь, по возвращении с фронта, я могу ответить Вам на Ваше последнее послание от 16 июля. Не сомневаюсь, что Вы учитываете наше военное положение и поймете происшедшую задержку с ответом... Приходится чаще лично бывать на различных участках фронта и подчинять интересам фронта все остальное».

«Сталин — Черчиллю.

9 августа 1943 года.

Я только что вернулся с фронта и успел уже познакомиться с посланием Британского Правительства от 7 августа... Хотя мы имеем в последнее время на фронте некоторые успехи, от советских войск и советского командования требуется именно теперь исключительное напряжение сил и особая бдительность в отношении к вероятным новым действиям противника. В связи с этим мне приходится чаще, чем обыкновенно, выезжать в войска, на те или иные участки нашего фронта».

<...> К его удовольствию, Ф. Рузвельт и У. Черчилль в своем совместном послании И. В. Сталину 19 августа 1943 года по достоинству оценили роль личного, непосредственного руководства Верховного на фронте:

«...Мы полностью понимаем те веские причины, которые заставляют Вас находиться вблизи боевых фронтов, фронтов, где Ваше личное присутствие столь содействовало победам»...

<...> Мы знаем, что подлинный талант, стратегическое мышление полководца как раз и ценятся за способность достичь самых высоких целей с наименьшими жертвами. Этого таланта Сталин не проявил... Повторюсь: истории неизвестны доселе масштабы таких потерь. И если сопоставить их с «полководческим гением» Сталина, то сразу станет очевидной неуместность приписывания Верховному особых заслуг в Победе. Эти заслуги целиком принадлежат советскому народу.

<...>

